

этих театровъ имѣетъ свой обликъ, болѣе или менѣе извѣстный, и пужно сказать, что до сихъ поръ эта область, кажется, была ограждена отъ духа мѣшанства, по крайней мѣрѣ, духъ этотъ не вторгался сюда слишкомъ явно.

— Денегъ у нихъ куры не клюютъ, говорили мнѣ москвичи. У нихъ одицъ запавѣсь, сдѣланный по эскизу Сомова, стоитъ 15,000 рублей!.. Тамъ все настоящее шелкъ, атласъ— все это подлинное, дорогое. Сходите, непременно, сходите.

Я пошелъ Фойе произвело на меня очень хорошее впечатлѣніе. Диванчики, даже съ вышитыми подушечками, драпировки, много живыхъ цвѣтовъ—все это придаетъ театру какой-то интимный, пріятный характеръ. Зрительный залъ тоже обставленъ мило, уютно, со вкусомъ. Дубовыя, деревянные ложи. Первый рядъ мягкія, глубокія кресла. Хорошія свѣтъ... Словомъ, все хорошо, удобно, пріятно, видимо, сдѣлано съ любовью.

Но, конечно, въ театрѣ дѣло не въ этомъ.

Шла «Прекрасная Елена», которую въ этомъ театрѣ перепеивали въ «Елену прекрасную».

Конечно, можно и такъ. Но эта перемѣна, казалось бы, не существенная—имѣетъ глубокое символическое значеніе. Она характеризуетъ отношеніе «Свободнаго театра» ко всему.

замкнутые въ такую ячейку, поютъ и говорятъ то, что имъ предлагается.

Чепуха получается невѣроятная. Я не хочу даже разбираться въ томъ, что хотѣлъ показать режиссеръ. Онъ скажетъ, что хотѣлъ показать Елену въ вѣкахъ. Пусть говоритъ, что хочетъ. Я искренно обрадовался, когда А. А. Санинъ, работающій въ этомъ театрѣ, сказалъ мнѣ, что онъ къ этой постановкѣ не имѣетъ абсолютно никакого отношенія.

Прямо недоумѣваешь, куда дѣлась очаровательная, играющая, точно вино въ бокалѣ, музыка Оффенбаха, куда пропали всѣ забавныя, мѣстами колючія положенія... Все пропало, ибо все передѣлано, вплоть до музыки и текста.

Нынче въ модѣ подновлять либретто оперъ и оперетокъ. И это хорошо, ибо, дѣйствительно, многія либретто неслись до чрезвычайности. Но можно исправлять и исправлять!.. Московскій режиссеръ въ передѣлкѣ текста пошелъ такъ-же далеко, какъ и въ постановкѣ... Нѣтъ, нѣтъ, да вдругъ услышите цитату изъ Фета, Некрасова... Вдругъ Калхасъ васъ опарашитъ ссылкой на Кнута Гамсуна... «Подойдите - ка къ ней да разспросимъ», говоритъ одинъ герой. «Рядъ волшебныхъ измѣненій милаго лица», говоритъ другой и т. д. и т. д. Все это дѣйствительно ново, какъ... какъ новое золото въ гостиной новаго мѣшанина во дворянствѣ!

И вотъ результаты. Въ то время, какъ въ старой опереткѣ, поставленной по старинкѣ, даже въ самомъ бѣдненькомъ лѣтнемъ театрѣ, играетъ жизнь, слышится смѣхъ, адѣсь, среди этой роскоши, среди этой бьющей клички, новизны, все время царитъ скука, зрители зѣваютъ, а многіе даже уходятъ, не дождавшись конца и не налюбовавшись даже «роскошнымъ» занавѣсомъ театра, скроеннымъ по эскизу Сомова, но, увы, производящимъ впечатлѣніе, которое тоже врядъ-ли удовлетворить годящаго художника.

Я не знаю, какъ будетъ жить театръ дальше. Мнѣ не удалось посмотрѣть «Сорочинской ярмарки».

«Прекрасная Елена», 3-й актъ.

(Съ фотогр. К. Фишеръ).

Но такъ какъ говорятъ, что для постановки «Сорочинской ярмарки» ѣздила въ Сорочинцы чуть ли не цѣлая экспедиція, состоявшая изъ художниковъ, археологовъ, актеровъ, которая закупила тамъ настоящихъ сорочинскихъ воловъ, лошадей, возы, «мазницъ» (для смолы) и чуть ли не привезла оттуда живыхъ статистовъ, то и отъ «Сорочинской ярмарки» ждать ничего не приходится.

Покойный Чеховъ побивалъ эту тенденцію очень образнымъ примѣромъ.

— Попробуйте, говорилъ онъ, въ картинѣ хотя бы Крамского вдѣлать въ лица настоящіе, живые помы. Хорошо-ли это будетъ?

Мѣшанинъ во дворянствѣ, однако, непременно сдѣлаетъ живой носъ.

Вл. Боцяновскій.